

Бор
Стенвик

ВСЕ МЫ ВРЁМ

Как ложь, жульничество
и самообман делают нас людьми

Бор Стенвик

**Все мы врём: Как ложь,
жульничество и самообман
делают нас людьми**

«Альпина Диджитал»

2014

Стенвик Б.

Все мы врём: Как ложь, жульничество и самообман делают нас людьми / Б. Стенвик — «Альпина Диджитал», 2014

ISBN 978-5-9614-4374-5

Циничная и корыстная ложь во все времена осуждалась обществом. А вот остроумный блеф, способность прибегнуть к обману ради благих целей (например, обвести врага вокруг пальца), вызывали симпатию и восторг. С чем связана эта двойственность, каковы механизмы лжи и зачем они понадобились человеку в ходе эволюции? В поисках ответов автор книги побывал в НИИ обороны, изучил новейшие образцы камуфляжа, записался на курсы аристократических манер в Лондоне и там же посетил дом-обманку, исследовал поддельные шедевры искусства и стал на время пикапером. Он знакомился с новейшими теориями философов, антропологов и нейropsychологов, беседовал с искусствоведами, полицейскими экспертами и даже с орнитологами.

ISBN 978-5-9614-4374-5

© Стенвик Б., 2014

© Альпина Диджитал, 2014

Содержание

Предисловие к российскому изданию	6
Предисловие	9
Камуфляж	12
Пой собственным голосом!	13
Парадоксы обмана	15
Служители Подземелья	16
Пустые угрозы	18
Художник-камуфляжист	20
Ослепляющий камуфляж	22
Борьба и честь	24
Женские приемчики	25
Союзники и их фокусы	27
Безжалостная природа	29
Военные волшебники	32
Камуфляж в моде	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Бор Стенвик

Все мы врём: Как ложь, жульничество и самообман делают нас людьми

This translation has been published with the financial support of NORLA

Переводчик Анастасия Наумова

Редактор Антон Рябов

Руководитель проекта О. Равданис

Корректор Е. Чудинова

Компьютерная верстка М. Поташкин

Дизайн обложки Ю. Буга

© Capellen Damm AS, 2014

Norwegian edition published Capellen Damm, Oslo Published by agreement with Hagen Agency, Oslo

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2016

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

Editor's choice – выбор главного редактора

Врать, обманывать, лгать, блефовать, приукрашивать – в природе человека (хотя животные тоже неплохо умеют это делать). Мы окружены обманом с самого детства, да и сами иногда не прочь добавить неправды от себя – или шутки ради, или во спасение. А уж что творится в новостях, в социальных сетях – вранья там часто значительно больше, чем правды. Сориентироваться в окружающей нас лжи будет существенно проще, если вы внимательно изучите веселое, но вместе с тем серьезное исследование Бора Стенвика о природе этого феноменального явления.

Сергей Турко,

главный редактор издательства «Альпина Паблишер»

Предисловие к российскому изданию

В процессе подготовки российского издания этой книги я вдруг узнал, что на русском языке правда может называться не только правдой, но и истиной. Я спросил у переводчика, чем они отличаются, и получил ответ, что правда продуцируется человеком, а истина означает нечто неизблемое и данное свыше. В языке два этих понятия дополняют друг друга, и если «правда» используется в повседневном и юридическом контекстах, то под истиной нередко подразумевается некая экзистенциальная высшая правда.

Корень существительного «истина» восходит к глаголу «быть», а само существительное обозначает нечто большее, чем просто правдивость отдельного высказывания. Если верить писательнице Светлане Бойм, русские интеллектуалы в свое время «понимали друг друга с полуслова». Правда скрывалась в невысказанном, и в этом отличие от американской установки «напрямую высказывать то, что думаешь». По мнению Бойм, излишняя прямолинейность кажется русскому искусственной и деланой. Русские вообще с недоверием относятся к «западным традициям», противопоставляя их более искренним российским обычаям. Проявление подобного недоверия характерно также и для русских писателей: Денис Фонвизин, например, называет парижскую жизнь «глупым подражанием», а Толстой отметил в дневнике, что российские аристократы, перенявшие западные привычки и манеры, ведут себя, словно актеры, постоянно играющие какую-то роль. Бойм подчеркивает, что многие герои русской литературы – среди них Левин у Толстого и князь Мышкин у Достоевского – отличаются неловкостью, не могут толком выразить свои мысли и не умеют правильно вести себя в обществе. И именно благодаря данным особенностям эти герои кажутся настоящими.

В работе «Русские культурные скрипты и их отражение в языке» Анна Вежбицкая описывает, каким образом общение среди носителей русского языка превращается в демонстрацию искренности: для носителей русского языка несвойственно использовать вежливые фразы и расточать похвалы на пустом месте. Иначе говоря, когда они полагают, что ваша новая прическа вам не идет, комплимента вы не дождетесь. Как правило, подобная искренность сочетается с недоверием к традиционной вежливости, которая считается показателем фальши. В руководствах, написанных для западных предпринимателей, желающих постичь русскую культуру, нередко приводятся советы относительно того, какое поведение вызывает доверие и считается искренним. И если на Западе достаточно соблюдения внешних правил и традиций, то заставить русских доверять вам будет намного сложнее, ведь доверие для них – чувство более глубокое. Подписанного договора будет недостаточно для установления доверительных отношений. Они возникают лишь спустя какое-то время, после долгих доверительных бесед, совместных трапез и посещения бани. Лишь тогда партнеры начинают доверять друг другу. И если английское слово «sincerity» обозначает, скорее, прямоту, то русское «искренность» связано с установлением тесных, почти родственных связей. Добиться доверия русского непросто, однако подобное доверие будет более глубоким и подлинным.

Наряду с понятиями «правда» и «истина» мое внимание привлекли синонимы «ложь» и «вранье». Но если «ложь» – понятие нейтральное, то «вранье» означает нечто типично русское: это своего рода истории, в которых правда приукрашивается или искажается. Цель подобных историй – развлечь слушателя, поэтому тот даже проникается определенной симпатией к врану. Судя по описанию, данному Достоевским, вранье – это истории, возникающие, когда рассказчик настолько увлекается собственной ложью, что сам отчасти начинает ей верить. Впоследствии вран вспоминает свои выдумки со смешанным чувством: с одной стороны, он испытывает гордость за произведенное на слушателя впечатление, а с другой – изумляется собственной безграничной фантазии.

Однако, дорогой мой российский читатель, все это вы наверняка знаете намного лучше меня. Я же упоминаю о некоторых культурных особенностях и «непереводимых» понятиях только для того, чтобы показать, насколько сложно бывает «расшифровать» общество, анализируя его со стороны, насколько по-разному мы трактуем понятие правды и каким образом культура, эпоха и ситуация влияют на наше восприятие истинности и фальши, подлинности и подделки. Само понятие правды постоянно меняется и часто зависит от того, с какой позиции мы его рассматриваем.

Тем не менее, читая о том, как подлинность трактуется в русской культуре, я нахожу множество черт, характерных для моей собственной культуры и мировоззрения. Мы, норвежцы, тоже больше ценим нашу «родную» крестьянскую искренность, а не изящные, пришедшие из Франции манеры. А увлекательные, но не особенно правдивые истории мы тоже называем байками. Похоже, представители большинства культур согласны смириться с тем, что креативность идет бок о бок с ложью и что порой лучше сделать вид, будто веришь, – и неважно, идет ли речь о супружеской ссоре или высокой дипломатии.

Человек – существо прагматичное, но социальное, и при этом мы стараемся показать себя с наилучшей стороны, так что обман и самообман защищают нас самих и окружающих от наименее приятных проявлений нашей сущности. Обман ради того, чтобы пощадить чувства собеседника, норвежцы называют белой ложью. Анна Вежбицкая утверждает, будто в русском языке подобного выражения не существует, однако я узнал, что имеется нечто похожее, а именно, «ложь во спасение». Поэтому возможно, что Вежбицкая и сама немного преувеличивает, желая донести до нас истину. К подобным уловкам представители большинства культур тоже относятся с пониманием. Мы любим хорошие байки и знаем, что у правды и лжи имеется множество вариантов.

Проявления обмана и истины меняются в зависимости от эпохи и места, однако нами движут одни и те же импульсы. Как правило, людям свойственно искать правду, но при этом они стремятся сохранить хорошие отношения с окружающими. Мы желаем докопаться до основы, истины, в которой невозможно усомниться, и поэтому создаем законы и правила, устанавливаем нормы, позволяющие контролировать общественное доверие, – этому посвящена глава о цивилизации. И те же мотивы побуждают нас сомневаться в увиденном, если мы подозреваем, что его форма не соответствует содержанию. В таких случаях мы пытаемся добраться до внутренней истины, и поиск этой сущности я описываю в главе о личности.

Мы хотим, чтобы искусство было подлинным – и именно поэтому понятие «истина» так полюбили ленинградские рок-музыканты 80-х. Из-за любви к подлинности мы с определенной долей недоверия относимся к техническим достижениям, к которым прибегают музыканты и художники. Мы боимся, что они утратят подлинность, и нашему восприятию искусства я посвятил отдельную главу. Мы также желаем, чтобы сама жизнь была аутентичной, что привело к парадоксу: само проявление аутентичности стало продуктом и объектом торговли. Этот парадокс я разбираю в главе «Аутентичность».

В борьбе за выживание и развязанных человечеством войнах умение распознавать чужой обман и маскировать свой собственный становится жизненно важным, и в главе о камуфляже и тактике я обращаюсь к посвященным этой теме исследованиям. Возможно, подобные истории даже отчасти объяснят нам, почему мы, будучи прекрасными лжецами, на удивление плохо распознаем ложь. Но более подробно об этом – в главе «Ложь». Впрочем, не исключено, что нам самим нравится заблуждаться, о чем я и рассказываю в главе о «настоящей любви». Существует ли любовь или же вера в нее – дань традиции? И если существует, то делает ли она нас счастливыми? И бывает ли любовь обманчивой?

Истина заключается в том, что человек – самое лживое и в то же время наиболее правдолюбивое животное во всем мире. Поиск лжи и правды похож на волокна одного каната, который мы тянем за собой сквозь биологию, историю и общество, и, работая над книгой, я словно

распутывал завязанные на этом канате узлы. Я бесконечно рад, что теперь, благодаря русскому языку и издательству «Альпина Паблишер», у моей книги появятся новые читатели. Надеюсь, она вам понравится!

*Бор Стенвик,
Осло, 10 февраля 2016 г.*

Предисловие

В 2012 году одна из китайских новостей вдруг обошла весь мир: в Интернете и на экранах телевизоров замелькали сообщения о Цзянь Фэне, подавшем в суд на собственную супругу и выигравшем иск на 75 000 долларов. Увидев, какого «на редкость уродливого» ребенка жена ему родила, китаец обвинил ее в неверности, однако оказалось, что она обманула его по-другому. На самом деле еще до знакомства с будущим мужем женщина неоднократно ездила в Южную Корею, где перенесла ряд пластических операций, общая стоимость которых составила 100 000 долларов. Обманутый супруг обвинил жену в предоставлении ему ложной информации о себе, и суд принял сторону истца.

Сообщения сопровождались фотографиями женщины, сделанными до и после операций. И если на первом фото глаза у нее были маленькими, а из-за полуприкрытых губ виднелись кривые выпирающие зубы, то со второго снимка на нас смотрела волоокая красотка с чувственным ртом. Возмущению комментирующих не было конца: еще бы, бессердечный отец обрек на страдания несчастного, ни в чем не повинного ребенка... Впрочем, некоторые все же оправдывали такой поступок, ведь как ни крути, а китайца облапошила собственная жена.

Чем больше об этом деле размышляешь, тем сильнее запутываешься. Можно ли считать пластические операции мошенничеством? Ведь использование обычной косметики таковым не считается... И как тогда относиться к тем, кто осветляет волосы? Если и они мошенники, значит, на их удочку уже попался не один десяток мужчин. И если мы ставим под сомнение честность той китайки, то и поведение ее супруга безупречным не назовешь. Ведь разве можно вот так расквитаться с тем, кого искренне любишь?

Однако интереснее всего, вероятно, задуматься о причине, по которой именно это семейное судебное разбирательство привлекло к себе столько внимания в странах, находящихся за тридевять земель от Китая. Внутри нас словно заложен некий скрытый механизм, обостряющий наш слух каждый раз, когда мы слышим о предательстве или подделках, – иначе говоря, когда нечто выдает себя не за то, чем в действительности является. Человеческое внимание постоянно притягивали такие понятия, как *настоящий*, *фальшивый*, *аутентичный*, *поверхностный*, *показуха*, *копия* и *оригинал*. Все с этим связанное непременно порождает горячие споры, в которых бурно обсуждаются не только эстетические, но и моральные стороны явления.

Я, подобно большинству людей, считаю такие темы необычайно занимательными. Почему для нас так важно отличать настоящее от подделки и как мы к этому пришли – вот вопросы, которыми я в свое время задался. Поиски ответов породили множество других вопросов. Наш интерес к блефу – это врожденное свойство или же часть культуры? Какую роль ложь и обман сыграли в развитии нашей цивилизации? Бывает ли война честной? Где проходит грань между приукрашиванием и хитростью? Каковы мы на самом деле? И что же такое настоящая любовь?

Критически настроенные блогеры провели собственное расследование, в ходе которого выяснилось, что та китайская новость 2012 года – вовсе не новость, а пересказ (сильно приукрашенный) события, произошедшего в 2004 году, причем сведения о нем были получены из весьма сомнительных источников. И это свидетельствует о еще одном качестве лжи: ложь прекрасно уживается с фантазией. История приобрела популярность – значит, те, кто стоял за распространением этой новости, отличались неплохим чутьем. Очевидно, именно благодаря подобному чутью мы выделяем темы, обещающие быть актуальными в мире, где мы можем улучшать окружающую действительность и нас самих. Многие родители заставляют детей носить очки, хотя сами давно уже восстановили зрение при помощи операций, а реклама то и дело подсовывает изображения прекрасной, но не существующей реальности. Вероятно, та

история была слишком хорошей для того, чтобы оказаться еще и правдивой, но вызванный ею ажиотаж лишь подтверждает слова Пабло Пикассо о «лжи, которая помогает понять правду».

В этой книге речь пойдет не только о красоте и слухах. Я расскажу еще и о войнах, политике, дизайне автомобилей, фильмах, биологии, исследованиях мозга, знакомствах, искусстве и музыке. Перечислить все существующие способы мошенничества и обмана не представляется возможным, поэтому я решил изучить исключительно то, что занимает меня самого. Много лет назад один редактор посоветовал мне писать только об интересующих меня явлениях, другой же рекомендовал «искать там, где горит». Конечно, не в прямом смысле – он просто имел в виду, что дыма без огня не бывает. И я старательно следовал обоим советам.

Изучая аспекты интересующего меня явления, я встречался с разными людьми и посещал места, благодаря которым смог взглянуть на эту необъятную тему с различных сторон. Один полицейский рассказал мне, как разоблачить лжеца, а искусствоведы помогли вникнуть в тайны подделок. Не боясь разрушить собственные представления о цельной личности, я отправился в Лондон и записался на курсы этикета, где попытался освоить непростую науку манер и поведения. В сопровождении инструктора-пикапера я прогулялся по улицам Осло, стараясь понять, является ли искусство соблазнения своеобразной формой мошенничества. И я с величайшей тщательностью изучал уже существующие в каждой из этих сфер теории и идеи.

Научно-популярные книги, посвященные исследованию одной обширной темы на множестве примеров, часто называют «Big Idea Books». Их цель – привести читателя к единой теории, объясняющей все на свете. Эта книга совершенно иная. Мне хочется, чтобы читатель делал открытия вместе со мной, чтобы мы вместе поражались отдельным примерам блефа и хитрости, находили между ними сходство и размышляли о том, почему истина и ложь представляются нам именно такими. Если вам вздумается более основательно ознакомиться с одним из затронутых мной аспектов, то советую обратиться к источникам, на которые я ссылаюсь. Ну а мы с вами исследуем секреты и заглянем в самые укромные уголки этой темы – надеюсь, впечатление от этого только улучшится.

Конечно, в процессе создания книги мне пришлось пожертвовать многими увлекательными историями и занимательными фактами о медицине, спорте, экономике и других сферах, которым просто не нашлось места в окончательном варианте. Например, историей о рыдающем пациенте скорой помощи, которого госпитализировали с давлением 80/40. По его словам, он принимал участие в одном медицинском исследовании и случайно принял чересчур большую дозу экспериментального препарата. Когда врачи вызвали организаторов эксперимента, выяснилось, что пациент был в числе тех, кому давали совершенно безвредные таблетки, не содержащие никаких медицинских препаратов. Симптомы отравления тотчас же исчезли, и мужчина расплакался – на этот раз от радости.

Мне также пришлось отказаться от глав об информаторах в Ирландской республиканской армии, акционерных роботах, архитектуре Лас-Вегаса и о легендарном «капитане из Кёпеника» Вильгельме Фогте. Не сомневаюсь, что многие читатели сочтут некоторые главы неполными, но надеюсь, что мое любопытство привело меня к открытиям, которые придутся по душе каждому из них. Я намеренно стараюсь затрагивать новые для меня самого темы, обращаюсь как к гуманитарным, так и к естественно-научным дисциплинам и пользуюсь примерами из жизни, литературными и искусствоведческими фактами, а также результатами научных исследований.

Моя книга напоминает долгую и непростую экспедицию, и, как можно судить по названиям глав, нашими проводниками станут несколько крупных теорий. Эти теории довольно противоречиво трактуют блеф, обман и самообман, что и составляет основу повествования. Однако мне не хотелось бы подыскивать единое универсальное объяснение, и я решил не разрубать узел, а постарался его распутать.

Я пришел лишь к одному выводу: наши представления о честности и порядочности зависят от того, под каким углом мы рассматриваем ситуацию. Если считать брак взаимовыгодным обменом, выходит, что претензии Цзянь Фэна к собственной супруге выглядят вполне обоснованными: ведь он получил далеко не тот товар, за который заплатил. Тем не менее в современном представлении любовь не товар, а внутренние качества личности должны цениться дороже, чем внешность.

История о мелочном китайце – это облеченные в современную форму сплетня или миф, выполняющие общественную функцию: в них излагаются нормы, которым должны следовать представители современного общества. Однако большинство из нас восприняли эту историю как новость и потому начали оценивать ее с позиции, предполагающей совершенно иные требования к степени достоверности полученной информации.

Эта история свидетельствует еще об одном изменении: развитие технологий повлияло и на восприятие «истинной» красоты. Речь идет не только о той красоте, которая нас окружает, не только о вкусах, но также о нашем отношении к подделкам и искусственности.

В процессе создания этой книги я немало узнал о блефе. К примеру, понял, что надо сохранять определенную долю недоверия к сообщаемым сведениям и что их источники следует проверять. Кроме того, я осознал, что мы нередко обманываем самих себя, страдая от собственных предположений, предрассудков и других, более сложных форм самообмана. Из любви к увлекательным рассказам мы склонны жертвовать здравомыслием – этим и объясняется популярность китайской новости. Оценивая других, мы тоже руководствуемся предрассудками, делаем ошибочные заключения и невольно начинаем полагать, что чем человек красивее, тем он умнее. Мы считаем себя более цельными, искренними и привлекательными, нежели в действительности являемся. Зачастую эти неверные представления помогают нам легче воспринимать мир, однако правда о мире остается от нас скрытой.

Я научился с недоверием относиться к собственным взглядам, особенно в тех случаях, когда они для меня выгодны, – и это, наверное, самый полезный урок, полученный мной при работе над этой книгой. К примеру, я считаю, что в последнее время больше других членов семьи занимался уборкой. Но насколько это мнение соответствует действительности? А как насчет моего стиля жизни и сформировавшихся мнений – неужели я придерживаюсь их совершенно осознанно? Собирая материал, я наткнулся на интервью с нейрофизиологом: он утверждает, что самая высокая степень вероятности того, что человек прав в каком-либо утверждении, – всего 60 %. В таком случае у меня есть все основания не делать в заключение этой книги обобщающих выводов.

Сам я жду от книг примерно того же, чего ожидаю от людей. По-моему, лучшее времяпрепровождение – это слушать того, кто может поделиться увлекательными историями, удивить и совершенно очаровать тебя. И я надеюсь, что моя книга станет для вас таким рассказчиком.

Камуфляж

Пушки в кустах – Бейонсе – Институт военных исследований – Манящие крабы – Кубисты и их военные корабли – Предательская униформа – Честная битва – Нападение исподтишка – Кукушки и гонка вооружений – Военные фокусники – Городская маскировка – Камуфляж в моде – Энди Уорхол – Повседневная одежда как камуфляж – Герилья – Замаскированные мотивы

Если вы увидите в книжном магазине красочную книгу фотографа Кристиана Швагера, то непременно остановитесь. На обложке изображено швейцарское шале – величественное деревянное здание с террасой, массивной крышей, зелеными ставнями и уютными занавесками. Перед домом небольшой деревянный сарайчик, к стене которого прибито колесо от телеги. Если открыть книгу, то вы обнаружите множество фотографий старых домов в Альпах – спрятанных за деревьями, или выглядывающих из-за зеленоватых холмов, или соседствующих с другими домами в крошечных деревнях. «Уютненько у них там, в Швейцарии, – наверняка подумаете вы, – даже, пожалуй, чересчур. Прямо как на открытке». И вернете книгу на полку.

Но постойте-ка! Давайте опять возьмем эту книгу в руки – хотя бы для того, чтобы прочесть название: «Фальшивые шале». Итак, взглянемся в снимки. Здания и правда выглядят как-то странно, стены местами кривые, доски изгибаются, как на картинах Дали. А в окнах не отражается ни небо, ни солнце... Что же с этими строениями не так и отчего они так подозрительно похожи на нарисованные? Может, оттого что они *и впрямь* нарисованы?

Первое фальшивое шале Кристиан Швагер обнаружил в 2000 году. Во время прогулки по горам он вдруг набрел на дом, который показался ему удивительно узким и маленьким. Кому и зачем понадобился такой дом? И лишь когда фотограф подошел поближе, он понял, что перед ним бункер, стены которого замаскированы под стены шале. На самом деле за этими очаровательными фасадами скрывается суровая действительность, а за фальшивыми дверями прячутся готовые к бою пушки.

Большинство из этих зрительных обманок построили в 1930-х и 1940-х годах, когда шпионаж с воздуха был для Европы обычным делом. Чтобы как следует замаскировать пушки и зенитные установки, армия привлекла театральных декораторов, и те приступили к работе с поистине швейцарской тщательностью. Если отойти от дома на 20 метров, то деревянные стены и нарисованные занавески действительно кажутся настоящими. Когда Швагер ездил по окрестностям и фотографировал эти сооружения, ему попадались местные жители, прожившие в соседстве с бункером 20 лет и ни разу не усомнившиеся в том, что рядом – обычный милый домик.

Если теперь, узнав все это, мы вновь взглянем на обложку, то сразу же поймем, что скатная крыша, окна и занавески нарисованы прямо на стене бункера, а балкон изображен на прикрепленной к стене фанере. Теперь, когда нам известно, на что именно надо смотреть, кажется удивительным, что мы могли так обманываться. Наш мозг устроен таким образом, что, когда мы видим что-либо, он формирует ряд ассоциаций и сигналов и сравнивает их с уже существующими воспоминаниями. И как только мозг находит похожие воспоминания, он совмещает их с вновь поступившими сигналами и создает правдоподобную модель увиденного. Именно такая модель мира и существует в нашем сознании – мы видим то, что ожидаем увидеть. Пока нашим ожиданиям ничто не противоречит, эта модель прекрасно выполняет свои функции. Мы замечаем несовпадения, лишь когда в нашем собственном восприятии что-то меняется. Мы годами садимся по утрам в машину и, полусонные, одной и той же дорогой едем на работу. Однако, если в нашей машине оказывается кто-либо, незнакомый с местностью, он непременно приметит что-то, чего мы прежде никогда не замечали. И только тогда мы очнемся и должным образом разглядем то, что нас окружает, – совсем как в истории с фальшивыми шале.

Пой собственным голосом!

Прохладным январским утром 2013 года, перед второй инаугурацией президента Барака Обамы, основной темой обсуждения была речь президента. Как он охарактеризует финансовый кризис? Окажет ли поддержку гей-парам? И что насчет присутствия США в Ираке и Афганистане? Когда он собирается отозвать оттуда войска и какие шаги предпримет, чтобы обеспечить спокойствие в этих регионах? Упомянет ли об угрозе атомной безопасности со стороны Ирана и Северной Кореи и выступит ли с предупреждением?

Интересовали прессу и более банальные вопросы. Гладко ли пройдет церемония? Не огорчится ли президент во время присяги, когда будет произносить речь, как это произошло при первой инаугурации? И не загорится ли сцена, как во время присяги Джона Кеннеди? Никто и не предполагал того скандала, который вскоре раздуют онлайн-издания. Казалось, что во время самого торжества на этот факт никто и внимания не обратил, но всего через пару дней в средствах массовой информации появились сведения, якобы полученные от одного из музыкантов оркестра морской пехоты, выступавшего на празднике. Похоже, певица Бейонсе, исполнявшая на инаугурации гимн США, на глазах у всего мира просто-напросто шевелила губами под фонограмму!

Дебаты о политической программе Америки тотчас же уступили место «загадке Бейонсе»: неужто певица, а вместе с ней и власти обвели всех вокруг пальца? Или же у источника информации – девушки-сержанта из оркестра морской пехоты – имелись собственные причины обнародовать эти сведения? Возможно, эту девушку снедала зависть оттого, что все лавры достались солистам?

Королева американских ток-шоу Опра Уинфри выступила с поддержкой Бейонсе: «Я бы еще поняла, если бы на фонограмме был записан голос Мэри Джей Блайдж или Алиши Киз, но ведь голос-то был ее собственный! Тогда к чему весь этот шум?» Свои пять минут славы урвал и некий британский звукооператор: проанализировав снятые в стиле Запрудера¹ ролики, он доказал, что Бейонсе пела вживую.

Оркестр морских пехотинцев со своими свидетельствами лишь подлил масла в огонь. Загадка наконец разрешилась, когда певица сама выступила с признанием: действительно, из-за погоды и недостаточной подготовки ей пришлось спеть под фонограмму. Бейонсе заверила всех, что на финале кубка Национальной футбольной лиги обязательно споет вживую. Кроме того, чтобы восстановить поруганную честь, она исполнила перед журналистами а капелла версию гимна США.

По данным на 31 января 2013 года, поисковый запрос «Бейонсе + инаугурация + фонограмма» давал 37 600 000 результатов – а значит, широкую общественность этот вопрос по какой-то причине волновал, хотя почему именно, понимали далеко не все. Как сказал тогда сатирик Стивен Кольбер: «Если Бейонсе действительно пела под фанеру, вы хоть понимаете, что это означает?! Если понимаете – напишите мне быстрее, потому что я так на нее злюсь, так злюсь, а почему – и сам не знаю!»

Инаугурация самой влиятельной фигуры в мировой политике – мероприятие чисто символическое, и, казалось бы, торжество по этому случаю – всего лишь некое дополнительное оформление восемнадцатиминутной речи, в которой глава государства обращается к своим согражданам. Гимн, без сомнения, – очень важный ритуал, проявление национального самосознания и свидетельство связи между страной и ее жителями. Но даже если мы сознаем всю важность этого ритуала, то почему же нас так беспокоит, что Бейонсе пела под фонограмму,

¹ Фильм Абрахама Запрудера – короткий любительский кинофильм, на котором запечатлено убийство Джона Кеннеди в Далласе 22 ноября 1963 года. – *Прим. пер.*

особенно учитывая, что узнали мы об этом спустя два дня после выступления? И почему под угрозой оказалась профессиональная репутация певицы, ведь фонограммой в шоу-бизнесе давно уже никого не удивишь?

Парадоксы обмана

Человеческое отношение к обману необычайно сложное. Мы полжизни можем прожить бок о бок с замаскированными пушками, даже не заметив их. Но возмущению нашему не будет предела, когда мы вдруг узнаем, что популярный певец на некоем всеобщем торжестве пел под фонограмму. С одной стороны, мы безразличны, зато с другой – сверхчувствительны, причем наша чувствительность проявляется в самых неожиданных ситуациях. Почему же мы так устроены?

Мы прекрасно распознаем обман в тех случаях, когда нас о нем предупреждают. Однако смысл обмана в том, чтобы *не привлекать* внимания. Этот принцип положен в основу камуфляжа: он уводит наше восприятие в сторону и скрывает истинное предназначение предметов. Так, в случае с фальшивыми шале за нарисованными стенами прячутся пушки и радиопередатчики. Подобные военные сооружения – идеальный пример того, почему мы боимся мошенничества и обмана, ведь совершенно безобидный фасад скрывает смертельную «начинку». Принцип почти так же стар, как сама жизнь: опасные организмы сливаются с окружающей средой и нападают внезапно. Рыбы-бородавчатки, например, по окраске неотличимы от морского дна, и их замечаешь, только наступив на ядовитые шипы у них на спине. Другой пример – насекомоядные растения, приманивающие насекомых запахом, а затем пожирающие их. Противоположная форма мимикрии тоже встречается в природе на каждом шагу. Достаточно вспомнить совершенно безобидных цветочных мух с устрашающим, похожим на пчелиное брюшко рисунком или бабочек с ярким, напоминающим человеческий глаз, узором на крыльях.

Хотя обман – обычный для природы прием, у нас, людей, все же особое положение. Мы не только *знаем*, что являемся обманщиками или жертвами обмана, мы вдобавок еще и предаемся размышлениям об этом. Человек во все времена отличался подозрительностью. Мы стараемся разделить окружающих на тех, кому можно доверять, и тех, кого следует опасаться, ищем скрытые дефекты в квартире, которую собираемся купить, а услышав по радио песню, пытаемся понять, действительно ли певец верит в то, о чем поет. Мы привыкли держать под контролем те сферы деятельности и культуры, которые считаем потенциальными источниками обмана и мистификаций, – шпионаж, законодательство, моральные установки, научные исследования, эстетические нормы и полицейские расследования. Цивилизация, будто бы пытаясь навсегда искоренить ложь и обман, развивается таким образом, что обманывать друг друга становится все сложнее и сложнее. Но и способы обмана, в свою очередь, становятся все более изобретательными, и обманщики всегда оказываются на шаг впереди, так что мы словно попадаем в самый центр вечной гонки вооружений. Возникают резонные вопросы. Какой была бы наша культура, не будь в ней этого соперничества? И каким оказалось бы человеческое самосознание? Неужели оружие в этой битве стало двигателем развития?

Служители Подземелья

Комплекс зданий, где располагается Научно-исследовательский институт Вооруженных сил, производит обманчивое впечатление. На первый взгляд он напоминает школу, где я когда-то учился. Кубические постройки в стиле 1960-х, отделанные бежевым листовым металлом и мореным деревом, двери с узкими вертикальными окошками и ребристыми деревянными ручками... Электронная пропускная система свидетельствует о том, что здания слегка модернизировали, но, лишь попав внутрь и увидев витрину с последними изобретениями, я начинаю ощущать себя так, словно очутился в научно-фантастическом фильме. Передо мной некоторые из последних образцов, например «переносной плазмосжигатель», а также нечто, похожее на пару рычагов и крепления для сноуборда. Как впоследствии выяснилось, это высокотехнологичные сапоги-«кошки». Именно здесь лучшие ученые Норвегии работают над технологиями, знакомыми обывателям разве что по фильму «Миссия невыполнима», хотя новейшие изобретения современных исследователей имеют более земное предназначение.

Я иду дальше и попадаю в совершенно обычный кабинет, где физик Мортен Сёдерблум и его коллеги рассказывают мне об истории камуфляжа и обманных маневрах. Никто из присутствующих – ни сам седовласый улыбчивый Сёдерблум, ни рыжеволосая Даниэла Хайнрих в грубых ботинках-мартенсах – не похож на военных. Они ничем не отличаются от, например, ученых из лингвистического института. Впрочем, глядя на третьего собеседника – Стайна Кристофферсена с забранными в хвост волосами и в жилетке защитного цвета, я невольно вспоминаю фильм «Парк Юрского периода». Стайн занимается самыми хитроумными обманными маневрами (кстати, по-английски они называются *military deception*, то есть военная маскировка).

– Радар, – рассказывает Кристофферсен, – отправляет в пространство сигнал. Встречая на пути объект, сигнал измеряет его и возвращается в исходную точку. По изменениям сигнала можно судить о скорости передвижения объекта. Военная дезориентация – это способ обмануть радар, то есть создать объект, вид которого не соответствует его назначению.

Старый и испытанный способ дезориентации, который, впрочем, прекрасно работает и в наше время, – это полноразмерные макеты танков и самолетов. В прежние времена достаточно было создать видимость, поэтому макеты были надувными или изготавливались из фанеры. Сейчас же, в эпоху инфракрасных и ультрафиолетовых датчиков и радаров, поверхность маскировочных объектов должна обладать свойствами, способными ввести в заблуждение приборы. Но технологии не только усложняют жизнь, они еще и открывают новые возможности.

– Вот что мы делаем: мы перехватываем сигнал радара, видоизменяем его и посылаем обратно. И теперь в сигнал заложена информация об объекте, которого на самом деле не существует. Мы поступаем в точности как те грабители, которые воссоздавали модель помещения перед камерой слежения.

Итак, если военные минувших лет обманывали противника при помощи настоящих объектов, то сейчас настало время виртуальной дезориентации. Для наглядности Кристофферсен показывает мне изображение того, что видит потенциальный враг. На экране радара передо мной военная колонна, а рядом схема того, как преобразуется ложный сигнал. Одна колонна превращается в пять – теперь противник растеряется и задумается, в какую колонну стрелять. На другом экране я вижу лодку, оборудованную генератором помех, который посылает в атмосферу сигнал, содержащий информацию о лодке совершенно иного типа. Значит, сейчас существует возможность немного постучать по клавишам и создать какой угодно образ?

– Условно говоря, да, – отвечает Кристофферсен, – но перед нами возникает множество дополнительных сложностей. Хотя о подробностях я, пожалуй, умолчу.

«Вот тебе и на! – подумал я. – А я-то как раз вошел во вкус!»

– Мы и так работаем на виду у всех, – с виноватой улыбкой поясняет физик Даниэла Хайнрих, – особенно в странах НАТО. Рассказав обо всем журналистам, мы значительно упростим задачу нашим потенциальным противникам.

– Но мы руководствуемся одним принципом, – добавляет Кристофферсен. – Попробуй определить, что ты хочешь увидеть, и тогда легче будет понять, фальшивка перед тобой или нет. Вообще-то так устроен любой обман: когда ты смотришь на объект впервые и ожидаешь увидеть нечто настоящее, обмануть тебя намного проще. Поэтому о наших объектах мы не распространяемся – независимо от того, действуют они или нет. А когда противник не получает никаких особенных сигналов, то с большей вероятностью будет считать истинной любую поступающую информацию.

– Если бы нам пришлось целыми днями проверять достоверность получаемых сведений, жизнь превратилась бы в кошмар, – говорит Сёдерблум. – Моя дочка, например, любит подшутить надо мной. Она частенько подходит ко мне и заявляет: «Ой! У тебя на рубашке пятно!» Я опускаю голову – и она тут же щелкает меня по носу. И то и дело сообщает, сколько раз за день ей удалось меня провести. Я не всегда подозреваю подвох, поэтому нередко оказываюсь обманутым. Верить всему – это очень по-человечески.

Ложь напрямую зависит от доверия. Категорический императив – одно из основных понятий этической философии Иммануила Канта – известен многим. Согласно его максима, тебе не следует совершать по отношению к другим того, чего другие, по твоему мнению, не должны совершать по отношению к тебе. Один из аргументов, подтверждающих это правило, касается лжи: если все начнут лгать, то исчезнет взаимное доверие, и тогда обман потеряет всякий смысл. Обманщик тоже зависит от доверия, а наиболее выгодная для него ситуация – это оставаться единственным лжецом в окружении наивных простаков. Но какова истинная сущность человека? Вспомним легенду о змее-искусителе и изгнании из рая. Следует ли из нее, что люди по своей природе честны? И что обманщики-искусители – это скорее исключение из правил? Или же все мы на самом деле лжецы и нашу подлую натуру сдерживают лишь строгие, выработанные цивилизацией нормы? Однозначные ответы дать невозможно, однако вывод напрашивается сам собой: игра, к которой человечество прибегало на протяжении всей своей истории как во время войны, так и в мирные времена, зародилась намного раньше, чем современные понятия «доверие» и «обман».

Пустые угрозы

Манящие крабы, если судить по их названию, – существа милые и безвредные. В тропиках их нередко можно увидеть на пляже, и выглядят они почти дружелюбными. Одна клешня у них непропорционально большая, зачастую даже длиннее самого тела и нередко имеет яркую окраску – желтую или розовую. Когда крабы помахивают ею, кажется, будто они радостно зовут тебя поиграть с ними в пляжный волейбол. Однако жест этот следует толковать несколько иначе. Латинское название этих крабов – *Uca pugilator* – наводит на мысль о боксерах, которые угрожающе трясут кулаками перед носом противника². Да, эта огромная клешня – прекрасное оружие.

Крабы-самцы постоянно вступают в схватку с другими крабами и стремятся разорить их жилище – выкопанную в песке норку. Помимо этого, крабы дерутся, чтобы привлечь самок. Они набрасываются друг на друга, толкаются и стараются ранить соперника. В худшем случае один из участников поединка может потерять свою большую клешню, а учитывая, что именно она используется для привлечения самок, шансы такого краба на продолжение рода стремительно уменьшаются. К счастью, впоследствии клешня отрастает заново. Впрочем, у некоторых подвидов особи, потерявшие однажды клешню, считаются неполноценными. По размерам отросшая клешня ничем не отличается от предыдущей, но на поверку она намного слабее. Такие крабы похожи на размахивающих игрушечным пистолетом бандитов, и рассчитывать им приходится исключительно на свою устрашающую внешность.

Биологи называют подобную тактику *ложным сигналом* (*dishonest signal*). Природу можно считать своеобразным полем битвы, и победители в ней выигрывают право передать свои гены потомству. Однако в природе существует и множество примеров битв, которые никогда не начинаются. Представители животного мира прибегают к ложным атакам или отпугивают противника собственной внешностью, таким образом предотвращая нападение.

Биологическая теория сигналов исследует процесс формирования, восприятия и развития сигналов опасности и силы. Одно из центральных понятий в таких исследованиях – *честный сигнал* (*honest signal*). К ним прибегают, например, антилопы, когда быстро проносятся мимо львов, высоко подпрыгивая вверх. Кажется, будто антилопы таким образом хотят сказать: «Смотри, какая я быстрая! Тебе меня все равно не догнать – даже и не пытайся!» Эти воздушные прыжки – «честные», потому что имитировать их невозможно, и сам сигнал требует усилий, ведь применить его могут лишь те, кто обладает соответствующим потенциалом.

Однако сигналы бывают и ложными. Вспомним про фальшивые часы «Ролекс»: выглядят они дорого и внушительно, прямо как настоящие, и вызывают у окружающих уважение. Биологам тоже бывает непросто отличить честные сигналы от ложных: в конце концов, они сформировались для того, чтобы вводить в заблуждение представителей своего же вида, и почему ученые, принадлежащие к виду совершенно иному, должны их распознавать? Впрочем, некоторые случаи обмана смекалистым биологам все же удалось разоблачить. Например, в поведении раков-богомолов – крупных ракообразных, длина тела которых может достигать 30 сантиметров. На протяжении семи недель панцирь у них твердый, а клешни острые, однако на восьмую неделю они сбрасывают панцирь и, пока новый панцирь не ороговевает, остаются необычайно уязвимыми. В это непростое для них время им приходится защищаться только при помощи клешней. Нередко в этот период раки-богомолы, чувствуя угрозу, прибегают к обманным движениям в надежде испугать противника, а при неудаче отступают. За неделю до смены панциря поведение раков-богомолов меняется: они чаще проявляют внешнюю агрессию, хотя в открытое нападение не переходят.

² *Pugilator* (лат.) – кулачный боец. – Прим. ред.

Поведение манящих крабов, о которых я рассказывал выше, – еще один случай ложного сигнала, который удалось раскрыть ученым. Крабы оценивают противника, исходя из величины его клешни, и не замечают, что отросшая заново клешня менее прочная и сильная. В 2000 году группа исследователей под руководством Патрисии Бэквелл доказала, что такие крабы-притворщики действительно слабее своих сородичей и не выдерживают прямой схватки с более полноценными противниками. Тем не менее в большинстве случаев они прекрасно существуют, избегая столкновений. В отличие от других особей, который отбирают друг у друга домики, такие крабы селятся в пустующих норках. А если учесть, что даже самки не в состоянии отличить заново отросшую клешню от первичной, можно сделать вывод, что в искусстве мистификации крабы достигли определенных вершин. В статье рассказывается, что в одной колонии манящих крабов может обитать до 44 % особей со вторичной клешней и что подобные формы маскировки встречаются в природе намного чаще, чем мы можем себе представить. Обман является целью этой тактики – именно поэтому мы и не подозреваем о ней.

Ученые, исследующие обманные приемы, постоянно сталкиваются с трудностями: им суждено изучать наименее удачные случаи, потому что наиболее успешные обнаружить невозможно. Случаи обмана в природе не ограничиваются внешним видом животных. Летучие мыши могут отыскать жертву в темноте при помощи тактики, напоминающей действие радара: они подают ультразвуковые сигналы и в отголосках эха улавливают информацию об окружающих их объектах. Давно известно, что некоторые виды моли также издают высокочастотные звуки, причем на тех же частотах, что и летучие мыши, и ученые выдвинули версию, что подобное совпадение неслучайно. И тогда исследователи провели классический научный эксперимент. Они запустили в темное помещение моль, лишив ее возможности подавать звуковые сигналы, а затем выпустили туда летучую мышь. Та довольно быстро расправилась с молью. Однако когда в эту же комнату поместили моль, подающую сигналы, летучая мышь не смогла ее обнаружить. Так стало очевидным, что моль обладает способностью распознавать звуки, издаваемые летучей мышью, и подавать собственные сигналы, чтобы сбить летучую мышь с толку. Подобные действия животных очень похожи на действия ученых из Научно-исследовательского института Вооруженных сил. Хотя... Сравнивать животных с радаром – все равно что ставить телегу впереди лошади. Мы же не утверждаем, что хамелеон руководствуется принципом, который положен в основу военного камуфляжа, меняющего цвет в зависимости от окружения. Животные нас намного опередили: они первыми научились подавать ложные сигналы о себе, внедряться под маскировкой в чужие колонии и применять камуфляж. И все это оттого, что они используют те же физические законы и умственные установки, что и мы, люди, а именно – несовершенство восприятия, свойственное противнику.

Художник-камуфляжист

Художник Эббот Тайер вырос в Нью-Гэмпшире во второй половине XIX века. Среди современников он прославился своими пейзажами и изображениями изящных женщин, символизовавших различные добродетели. Он любил активный отдых и много времени проводил на природе, гуляя по лесу. По настоянию Тайера все члены его семьи спали летом под открытым небом. В те времена никто и не предполагал, что впоследствии имя Тайера будут вспоминать, рассуждая о войне и принципах камуфляжа. Сейчас самые знаменитые работы Эббота Тайера – это лесные картины, на которых, если внимательно приглядеться, можно увидеть изображения животных. На одной из них змея, окраска которой сливается с пожухлыми листьями, а пятна на ее шкуре повторяют осенний узор листвы. На другой – павлин, которого, казалось бы, невозможно не заметить, но и он почти исчезает в кроне дерева, а его синие перья не отличишь от просвечивающего сквозь листву синего неба. Эти картины – сами по себе мистификации. В местах обитания павлинов не растут деревья, хотя бы отдаленно похожие на те, что изобразил Тайер. И вряд ли павлин способен так высоко взлететь... Но эти изображения доказывают, что узор не обязательно имеет четкие контуры, а знакомые формы могут оказаться сложными для узнавания – особенно если подойти к делу с фантазией.

Будучи художником, Тайер отлично понимал, как человек визуально воспринимает мир. Сперва мы ищем контрасты, контуры и узор. Затем мозг формирует версию того, что именно перед нами, и эта версия становится основой для дальнейшего осмысления увиденного. По убеждению Тайера, он смог проникнуть в тайны мимикрии животных именно благодаря тому, что знал о механизмах восприятия и эффектах света. Наиболее важным вкладом Тайера в историю развития камуфляжа являются его рассуждения, посвященные *защитной окраске*. Он нашел объяснение тому, почему брюшко у большинства животных светлое, а спина темная. «Глядя на предметы, мы видим тень и понимаем, что они объемны. Переходы от темного к светлому в окраске животного или птицы не резкие, а плавные, таким образом эффект тени сглаживается и благодаря этому животное гармонично сливается с окружающей его природой», – пишет Тайер. Именно он порекомендовал военным использовать противотеневые эффекты и искажающие маскировочные рисунки. В нашем представлении война невозможна без камуфляжа, однако так было не всегда.

Люди, как и животные, ведут вечную войну друг с другом, с той лишь разницей, что человеческая война – понятие вполне конкретное. С войной связаны отрасли промышленности, война – это политическая неизбежность и постоянная угроза. У большинства государств есть армия, а в военной тактике, направленной на победу или уклонение от битвы, часто используются основанные на обмане сигналы. Римские центурионы в украшенных перьями шлемах похожи на птиц, которые для устрашения врага распушают перья на голове. Самурайские шлемы часто дополняла маска, изображающая уродливое лицо с крючковатым носом, а доспехи полностью закрывали тело воина, превращая его в подобие демона.

Вплоть до Первой мировой войны целью военной формы было создать видимость, причем не только для врагов, но и для союзников. Военная форма была символом власти и непобедимости. Все изменилось после Первой англо-бурской войны 1880 года, когда красные мундиры британских солдат стали для противников отличной мишенью. Когда под пулями снайперов полегло немало воинов, генералы поняли, что военную форму следует сделать менее бросающейся. Так появилась униформа цвета хаки.

Камуфляж начал широко применяться в армии во время Первой мировой войны – во многом благодаря таким художникам, как Эббот Тайер. Французское слово *camouflage* связано со значением «пускать пыль в глаза», а изготавливавшие камуфляж ремесленники называли себя камуфлёрами. Один из таких камуфлёров – Анри Бушар – так искусно изготовил из

папье-маше бюсты французских и английских солдат, что майор Хескет Притчард, увидев их, немедленно заказал целую партию. Вдобавок майор велел изготовить муляжи одетых в военную униформу сикхов и гуркхов. Все это делалось, чтобы сбить с толку немецких разведчиков, собиравших сведения о составе британской армии. Будем считать, что немцы тоже пришли в восторг, разглядывая величественные позы и каменные лица вражеских солдат.

Во рту у некоторых из манекенов имелось даже отверстие для сигареты, а прикуривалась она через особый резиновый шланг, которым управлял прятавшийся под манекеном солдат. Так и представляешь себе неподвижную фигуру с чертами Клинта Иствуда и с сигаретой во рту. Позже Притчард описал то «странное ощущение», которое охватывало его, когда муляж, под которым он сидел, вдруг разносила в клочки пуля.

Ослепляющий камуфляж

Во время Первой мировой войны мастера камуфляжа изготавливали также муляжи лошадей, фальшивые деревья, за которыми прятались солдаты, и накидки для снайперов. Таким образом солдаты тоже научились мимикрировать, совсем как тигры в саванне и птицы в джунглях. Однако имитация – далеко не единственный вид камуфляжа. Зебра и осьминог – прекрасные примеры того, как можно ввести врага в заблуждение с помощью сбивающего с толку рисунка. В 1914 году французский художник Люсьен-Виктор Гиран де Ссевола, проходивший службу в артиллерийском полку, обнаружил, что этот же принцип можно использовать для маскировки пушек. Пушки, на которых нарисованы неровные черно-белые линии, врагу различить сложнее, чем обычные орудия. Такой прием стал называться деформирующим камуфляжем.

Сейчас военные суда окрашены в невыразительные серые тона, то же самое мы видим и в фильмах о Второй мировой войне, поэтому, глядя на фотографии кораблей времен Первой мировой войны, мы приходим в замешательство. Возьмем, к примеру, снимок 1918 года, на котором изображен корабль ВМС США *West Mahomet*: именно такими выглядят корабли на картинах художников-кубистов. Впечатление, словно смотришь на судно одновременно с разных ракурсов. Или даже не на одно судно, а на несколько. А может, перед нами вообще отдельные сегменты корабля, разбросанные по воде? Кажется, будто кто-то взял и как попало прилепил нос к корме, а корму – к килю. Такой эффект достигается за счет нарисованных на корпусе широких черных и белых волнистых полос. Благодаря им видимые пропорции и контуры меняются. Поэтому вполне возможно, что Пикассо был прав, когда в 1915 году, увидев привезенные в Париж разрисованные пушки, воскликнул: «Так ведь мы это придумали!»

Принципы так называемого ослепляющего камуфляжа – результат сотрудничества художников, ученых и военных. Основоположником его считается художник Норман Уилкинсон, однако не исключено, что он воспользовался идеями Тайера, а впоследствии к работе над маскировкой была привлечена целая группа художников. Каждый корабль украсили собственным узором, предварительно протестировав маскировочную окраску на объемных моделях судов. Целью этого оптического обмана было сбить с толку вражеских наблюдателей. Скорость движения торпед в то время была довольно низкой, поэтому, прежде чем выпустить торпеду в военное судно, капитану подводной лодки требовалось подсчитать скорость, угол попадания и направление, то есть произвести довольно сложные расчеты. Основоположники военного камуфляжа надеялись дополнительно усложнить эту задачу: ведь намного труднее попасть в корабль, который плывет словно задом наперед, да еще и с нарисованными на корме волнами.

Полностью преобразив внешний вид американских и британских военных кораблей, военачальники решили выяснить, увенчалась ли эта тактика успехом. Однако результат оказался плачевным, что и было одной из причин, по которой сегодня корабли уже не украшают узорами в стиле кубизма. Другой причиной стало изобретение радара. Ослепляющий камуфляж можно считать успехом художников, но не тактиков. В работе «Выживание прекрасного» (*Survival of the Beautiful*) философ Дэвид Ротенберг пишет: «Возможно, одним из самых ценных результатов ослепляющего камуфляжа стало пробуждение в морях чувства прекрасного. Служить на борту расписанного художниками конвойного судна – это все равно что очутиться в гигантском плавучем музее. Где бы ни появлялись такие корабли, они повсюду привлекали внимание и вызвали интерес. Морская война была вовсе не серой, холодной и безжалостной, наоборот – благодаря художникам и ученым, которые решили, основываясь на принципах природы, провести гигантский эксперимент по влиянию иллюзии на восприятие, она переросла в захватывающее эстетическое представление».

Можно сказать, что ослепляющий камуфляж оказал еще большее влияние на самих изобретателей: в 1919 году в Лондоне был организован пышный «Ослепляющий бал», на котором исполняли модный тогда джаз, а гости нарядились в костюмы, сшитые в соответствующем стиле. После бала острые на язык журналисты писали, что во время танцев гости словно имитировали морские битвы и то и дело шли на abordаж друг друга. Особенно те, кто перед этим хорошенько набрался. Вскоре такие камуфляжные узоры появились и на купальниках. Как выяснилось, способность полосок видоизменять контуры фигуры пригодилась и в моде. В *The New York Tribune* от 23 июня 1919 года появилась статья под заголовком «Сильфиды в камуфляже и оптический обман: как скрыть полноту при помощи полосатого купальника».

Борьба и честь

В военной истории найдется немало примеров извечного противостояния между сторонниками «честной» борьбы и теми, кто прибегает к обману и хитростям. В своем военно-историческом труде «О войне» Карл фон Клаузевиц отвергает обманные маневры как средства малоэффективные, зато другой знаменитый военный стратег Сунь-цзы в трактате «Искусство войны» характеризует войну как «искусство вводить в заблуждение». Вероятно, самый известный обманный военный маневр – придуманный Одиссеем троянский конь. Гомер неоднократно упоминает о хитрости Одиссея: этот греческий герой не вступает в прямую схватку с врагом, а побеждает благодаря смекалке и способности вести переговоры.

Если главный персонаж гомеровской «Одиссеи» наделен качествами героя, то в трагедиях Софокла, написанных спустя 400 лет, Одиссей кажется уже не таким положительным. В трагедии «Аякс», написанной в III веке до н. э., между Одиссеем и Аяксом разворачивается борьба: они оба претендуют на оставшиеся после смерти Ахилла военные доспехи. Если трактовать трагедию символически, можно сказать, что «Аякс» – пьеса о противостоянии двух человеческих качеств. Аякс в трагедии – величайший воин, а Одиссей – умнейший. Помимо этого, Одиссей больше похож на современных людей: он прибегает к хитростям и готов идти на компромисс. И эти его качества не всегда оказываются положительными.

В эпоху создания Софоклом трагедий уклад жизни в Афинах претерпевал серьезные изменения. Новые демократические идеи таили в себе угрозу для греческой аристократии, в особенности же ее пугали утверждения софистов о том, что добродетель – качество не врожденное, а приобретенное. Софисты были признанными авторитетами в области риторики и аргументации, однако их учение отличалось противоречивостью. Именно софисты первыми сформулировали идею о возможности продвижения по социальной лестнице. Их противники забили тревогу: как им казалось, такие ораторы «могли превратить слабейший аргумент в самый основательный». В дебатах, развернувшихся в то время в Афинах, горячо обсуждались такие понятия, как ложь, мошенничество и истина. Это оказало влияние и на литературу того периода – поразительно, но персонажи большинства написанных в то время трагедий обманывают друг друга или представляют самих себя не теми, кем в действительности являются.

Сейчас мы воспринимаем Одиссея как героя, однако в период создания великих греческих трагедий его считали хитрецом и обманщиком, а сравнение с этим персонажем считалось весьма нелестным. Не стоит забывать, что понятия чести, искренности и достоинства менялись в зависимости от эпохи. Средневековым рыцарям обманные маневры тоже были не по душе, а после шведско-норвежской войны 1808–1809 годов норвежцев обвинили в нечестном ведении боя, потому что солдаты арктической диверсионно-разведывательной роты были в зеленой униформе. А разве можно вести честный бой с врагом, которого на фоне листвы не разглядишь?

Женские приемчики

Во время Второй мировой войны среди военных по-прежнему находились те, кто считал использование камуфляжа недостойным. В 1941 году Министерство государственной безопасности Австралии поручило разработку камуфляжа зоологу Уильяму Джону Дэйкину. Однако военные отказывались выполнять его рекомендации и препятствовали его работе. Будучи зоологом, Дэйкин был убежден, что солдатам надо учиться у животных. Он предложил, в частности, последовать примеру крабов, которые прикрывают свой панцирь водорослями, и использовать для маскировки ветки деревьев и листву. Но, как верно подметила искусствовед Энн Элиас, «самооценка военных зачастую зависела от их убеждения в господстве человека над животными».

В те времена многие представители армии считали камуфляж орудием слабых, уловкой, подобной тем, к которым прибегают женщины. Вдобавок ко всему, за камуфляжем успела закрепиться дурная слава: слово «камуфляж» широко использовалось французскими преступниками, скрывавшимися от полиции. Усугубило ситуацию и то, что над камуфляжем работали художники из самых разных уголков мира, а военные считали представителей этой профессии недостаточно мужественными. Впоследствии камуфляжисты в шутку стали называли себя «камуфляжными цветочками».

В какие бы войска ни попадали военные, работавшие над маскировкой и камуфляжем, они повсюду встречали недоверие и нежелание сотрудничать. Довольно долгое время они не имели права на ношение собственной униформы и ходили в штатском, чувствуя себя среди одетых в зеленое военных белыми воронами. Весьма печальная участь для тех, чьей целью было научить окружающих маскировке... Камуфляжисты постарались переубедить генералов, внушая им, что камуфляж – не только для слабаков, а обманные маневры особенно важны во время наступления: чем сильнее противник сбит с толку, тем он уязвимее. Чтобы подчеркнуть агрессивный потенциал камуфляжа, они поместили на свою эмблему изображение тигра, и, когда им наконец разрешили надеть военную униформу, эту эмблему они нашили на предплечье. Изображение тигра на плакатах сопровождалось емким девизом: «Тигр прячется, чтобы напасть!».

Несмотря на то что австралийские военные соглашались на маскировку с видимой неохотой, при необходимости они прекрасно научились использовать камуфляж. Вспомним, например, «Операцию Хэрни», один из самых удачных обманных маневров в истории войны, о котором Дэйкин и его коллеги даже не подозревали. В 1943 году японские войска покинули остров Гуденаф, и австралийцы, опасавшиеся возвращения японцев, провели широкомасштабную операцию, целью которой было создать видимость, что на острове располагается австралийский военный отряд. Там разместили муляжи пушек, манекены солдат и отстроили макет форта, а по радио неоднократно передавали сообщения, якобы адресованные находящимся на острове военным. Для убедительности в форте даже соорудили прачечную и походную кухню. Фальшивые пушки по традиции затянули маскировочной сеткой – ровно настолько, чтобы их можно было обнаружить.

Руководители «Операции Хэрни», подозревавшие о существовании на территории Австралии двойных агентов, провели операцию в строгой секретности, сведения о ней не обнародовались. Военные отчеты свидетельствуют о том, что по мере ее проведения недоверие к камуфляжу рассеивалось. Офицеры сообщили солдатам, что эта операция представляет собой новый шаг в истории австралийской армии. В одном из представленных рапортов сообщалось: «Солдаты работали над элементами маскировки с особым интересом и неподдельным удовольствием. В одной из палаток, например, манекен сидел у стены с книгой в руках. На улице стоял

грузовик, и один манекен сидел на водительском сиденье, а другой – возле машины, привалившись к дверце, причем его поза издавала австралийца».

Союзники и их фокусы

Еще более широкую известность получили обманные военные маневры, предпринятые силами союзников в Африке. Немцы к тому времени уже всю использовали камуфляж: в частности, чтобы ввести в заблуждение авиаразведку, они выстраивали в Германии целые фанерные городки. Стратегия союзников заключалась в двойном или даже тройном обмане: к примеру, в некоторых районах они размещали фальшивые танки, дожидались, пока противник поймет, что они фальшивые, после чего ночью меняли их на настоящие. Помимо этого, танки нередко маскировали под грузовики и наоборот. Так же поступали с пушками: по ночам пушки в целой артиллерийской батарее подменяли на фальшивые, а настоящие пушки перемещали на другое место. И по примеру «Операции Хэгни» союзники пользовались реалистичным камуфляжем – то есть с помощью камуфляжа представляли объекты, таковыми не являющиеся.

Англичане намного чаще австралийцев прибегали к военным мистификациям. Одним из самых известных военных фокусников Второй мировой войны считается Джаспер Маскелайн, происходивший из семьи потомственных иллюзионистов. После войны он описал свои трюки в книге «Магия: совершенно секретно» (Magic: top secret), которая больше похожа на сборник захватывающих, хотя и не совсем правдивых историй. В ней, например, рассказывается, как Маскелайн с помощью зеркальных конусов и прожекторов замаскировал весь Суэцкий канал. Впоследствии, когда деятельность иллюзиониста была изучена более подробно, выяснилось, что он действительно создал несколько макетов танков, но затем ограничился выступлениями и карточными фокусами, которыми развлекал солдат.

И сам Маскелайн, и его ранние биографы сильно преувеличили его роль в военных действиях, но они отличались неплохим чутьем и отлично знали, что публика обожает истории о благородных жуликах, обманывающих врага. «Мы умнее их» – вот что доказывали примеры успешных обманных маневров и маскировки. И тем не менее эти приемы до определенного времени воспринимались как не по-мужски подлые, хотя обманные маневры быстрее избавились от дурной славы, чем камуфляж. Обе тактики являются разновидностью обмана и основаны на принципе введения в заблуждение, однако более изобретательным способом считается создавать видимую иллюзию, а не притворяться, что тебя не существует. Благодаря такому мнению мифы о Маскелайне пользовались небывалой популярностью: фокусник не принадлежит к числу тех, кто прячется, наоборот – он находится в центре всеобщего внимания.

Современные представления о сообразительных обманщиках и честной борьбе постоянно находят отражение в американских боевиках. Чаще всего их герой не только неплохо машет кулаками – он еще и способен на хитрость. Даже такой качок, как герой Арнольда Шварценеггера в фильме «Хищник», додумался расставить ловушки и замаскироваться, вымазавшись в грязи. С другой стороны, блистательный Шерлок Холмс в исполнении Роберта Дауни отлично управляет с пистолетом и владеет боевыми искусствами, так что и он готов к честному поединку. У нас принято уважать любые проявления интеллекта, поэтому мы прославляем героев думающих и не хотим, чтобы добро одолело зло только благодаря физической силе. Однако герой, который в конце фильма не встречается с врагом лицом к лицу в честной схватке, теряет долю нашего уважения.

Вербовка фокусника Маскелайна Вооруженными силами Великобритании стала своеобразной рекламной акцией, и вполне возможно, что роль главного мистификатора в ней принадлежала вовсе не Маскелайну. Многие свидетельствуют о том, что офицер контрразведывательной службы Дадли Кларк намеренно преувеличил роль Маскелайна в осуществленных союзниками обманных маневрах. Благодаря этому армия в глазах общественности стала не просто представлять военную мощь, а еще и казаться загадочной и непредсказуемой. Исполь-

зую Маскелайна как своеобразную приманку, Дадли Кларк вспомнил о репутации семьи иллюзиониста и заручился поддержкой военного руководства. Многие из военачальников в детстве не раз бегали смотреть, как дедушка Джаспера Маскелайна показывает фокусы. Таким образом иллюзионист Маскелайн, сам того не зная, стал объектом мистификации.

Безжалостная природа

У биолога-эволюциониста Роберта Триверса есть дом на Ямайке, где ученый живет порой целыми месяцами. Несколько лет назад Триверс весь вечер провел в саду, кидая камни в больших птиц под названием ани. Эти черные птицы семейства кукушковых живут стаями из шести – двенадцати особей. Они крикливы, считаются предвестниками смерти и разоряют чужие гнезда, выбрасывая перед этим оттуда птенцов. Ани постоянно пользуются одним приемом. Каждую весну голуби выют в саду у Триверса гнезда и выводят птенцов. Голубята, чувствуя приближение родителей, начинают кричать, а ани научились имитировать их крики. Когда голубята слышат крики, похожие на собственные, они тоже подают голос, благодаря чему ани тотчас же определяют местонахождение голубиного гнезда, разоряют его и заклевыывают птенцов. Триверс, будучи биологом-эволюционистом, прекрасно знает, что в действиях ани нет преднамеренной жестокости, это всего лишь проявление адаптивного поведения. Тем не менее несложно понять, почему он, человек немолодой, провел весь вечер, отгоняя ани от голубиных гнезд. Впрочем, спустя несколько часов он утомился, и ани наверстали упущенное. Эволюция идет своим ходом.

Если мы усматриваем в поведении животных хитрость, это свидетельствует лишь о том, что мы слишком часто смотрим диснеевские мультфильмы и проецируем на животных собственные чувства. Наши понятия о правде, лжи, чести и предательстве развивались вместе с языком и культурой, однако все, что связано с намеренным введением в заблуждение, восходит к глубокой древности. В 1970-х годах Роберт Триверс разработал ряд теорий о том, какую роль в эволюции биологических видов и генетической способности к выживанию играют доверие, обман и самообман. Ключевые труды в сфере эволюционной психологии и сходных дисциплин – такие как «Социобиология» (Sociobiology) Эдварда Уилсона, «Эгоистичный ген» (The Selfish Gene) Ричарда Докинза³ и «Как работает разум» (How the Mind Works) Стивена Пинкера – основаны на теориях Триверса. В 2011 году он опубликовал труд под названием «Обмани себя» (The Folly of Fools)⁴, в котором обобщает все свои теории, посвященные обману и самообману.

В этой книге Триверс, нимало не смущаясь, ссылается на истории из собственной жизни: о том, как он сам порой скрывает правду от жены, заимствует идеи для научных статей у других академиков и совершенно машинально может прихватить чужую ручку или даже ключи от кабинета. Поступки, так или иначе связанные с ложью и обманом, мы способны совершать совершенно неосознанно, и, как показывает пример с птицами, реагируя на несправедливость, мы тоже не всегда руководствуемся разумом. Но такие поступки пробуждают в нас весьма сильные чувства. Если верить работе Триверса, чувства и интеллект неразрывно связаны с обманом и мошенничеством. Оказывается, именно некоторые виды обмана являются двигателем интеллектуального развития.

Множество изобретений, вошедших в повседневную жизнь, например Интернет и реактивные двигатели, изначально были созданы для военных нужд. Можно сказать, что жестокость кукушек подготавливает почву для цивилизации. Поведение птиц – лишь один из примеров непрекращающейся гонки вооружений, на протяжении тысячелетий заставлявшей живые организмы вырабатывать все более изощренные тактики и развивать проницательность. Животные постоянно вводят друг друга в заблуждение: около половины существующих видов животных в буквальном смысле слова нахлебники, ведь они паразитируют на представителях других видов. Большинство паразитов, такие как бактерии, блохи и глисты, по размеру невелики, однако 1 %

³ Докинз Р. Эгоистичный ген. – М.: АСТ; Corpus, [2015]. – Здесь и далее прим. ред.

⁴ Триверс Р. Обмани себя: Как самообман помогает нам выжить. – СПб. [и др.]: Питер, 2012.

всех существующих птиц тоже паразитирует на других видах. Кукушка – наиболее известная в Европе птица-паразит, и, если вас называли кукушонком, вам едва ли хотели сделать комплимент. Как только кукушка откладывает яйца в чужое гнездо, начинается борьба с его хозяевами. Преимуществом обладают те хозяева (например, жаворонки), которые могут отличить кукушечье яйцо от собственных по окраске или форме.

В процессе эволюции выигрывают особи, способные узнавать и сортировать формы, а гены, стимулирующие подобную мозговую деятельность, находят дальнейшее развитие у определенных биологических видов. Как только жаворонки освоят этот навык, кукушке придется со временем научиться откладывать яйца, больше похожие на яйца жаворонка. Значит, те должны стать совершенно уникальными – это и будет следующим шагом эволюции. Уже сейчас, благодаря пятнам, яйца жаворонка необычайно сложно обнаружить, а согласно одной из теорий, в будущем скорлупа каждого из яиц приобретет индивидуальную окраску, схожую по функции с отпечатками пальцев, и тогда кукушка уже не сможет подбрасывать свои яйца в гнезда жаворонков.

Чтобы отличить подложное яйцо от собственного, требуется сообразительность, и, если жаворонки умеют считать, это значительно увеличивает его шансы на победу, ведь тогда он довольно скоро сообразит, что одним яйцом в гнезде стало больше. В этом случае кукушке придется прибегать к другой уловке, а именно: сперва выбрасывать из гнезда яйцо жаворонка и лишь затем подкладывать собственное. Но самый изощренный обман начинается, когда кукушонок вылупляется из яйца. Чужак может, например, выбросить из гнезда все остальные яйца и, имитируя хозяйские крики, заставить приемную мать кормить его. Некоторые виды паразитирующих птиц научились воспроизводить крики птенцов, принадлежащих к самым разным видам птиц-хозяев. Кроме того, у птенцов этих паразитирующих видов имеются на голове пятна, по форме напоминающие два раскрытых клюва, – это побуждает птицу-хозяина добывать в три раза больше еды.

Некоторые кукушата бывают крупнее птиц – хозяев гнезда, хотя приемные родители этого не замечают. Порой размеры кукушонка в шесть раз превышают размеры его приемной матери, и вместе эта парочка напоминает пирата с птицей на плече. Подобные факты, бесспорно, идут вразрез с теорией о том, что обман способствует развитию интеллекта. Ведь в таком случае мать, глядя на свое не по годам крупное дитя, наверняка почувствовала бы неладное. Но и этому существует очевидное объяснение: чем крупнее птенец, тем более здоровым и сильным считает его мать, и если она вдруг начнет выбрасывать из гнезда птенцов, руководствуясь их размером, то может истребить собственное потомство. Тогда отчего же мать не научится узнавать своих собственных детей, начиная с самого первого их писка (в биологии такие ключевые стимулы называются импринтинг, или запечатление)? Но тогда есть опасность, что первым криком, услышанным птицей-хозяином, будет крик не собственного птенца, а паразита. И в этом случае появляется риск, что первый увиденный матерью птенец тоже будет не ее собственным, а кукушонком. В этом случае мать выбросит из гнезда своих птенцов.

Безусловно, жаворонки могли бы проявлять большую сообразительность, но мозговая активность не достается даром и чревата дополнительными осложнениями. Сообразительность и проницательность, подобно другим мерам безопасности, зачастую представляют собой настолько сложные механизмы, что результат, достигаемый при их применении, не оправдывает затраченных усилий.

Взаимосвязь между ложью и ее разоблачением нередко заставляет задаваться вопросом: а что же все-таки первично – интеллект или хитрость? Этот вопрос сродни логическому парадоксу о курице и яйце. Однако зависимость этих двух явлений друг от друга очевидна, и применимо это не только по отношению к птицам. Исследования приматов доказали, что величина коры головного мозга (так называемый социальный мозг) прямо пропорциональна количеству тактических обманов, предпринимаемых особью. Помимо этого, величина коры голов-

ного мозга также показатель интеллекта. Иначе говоря, чем больше у животного интеллекта, тем изощреннее такие животные умеют обманывать. И наоборот: обман – это показатель ума.

Военные волшебники

Уже в самом конце моего визита мы с Мортеном Сёдерблумом спустились в подвал, где он показал мне камуфляжную сетку серо-коричневого цвета с мелкими овальными нашивками. Благодаря трехмерной структуре материал меняет температуру в зависимости от окружающей среды. Затем Мортен продемонстрировал мне еще одну сеть – на этот раз создающую помехи радарам. Она наверняка тоже изготовлена с использованием самых высокотехнологичных материалов, однако я уже видел радар и сапоги для лазания по стенам, поэтому эта сеть меня не очень впечатлила. А затем Мортен показал мне фотоснимок, сделанный во время военных учений.

На снимке – зеленый танк на обочине дороги, но Мортен упорно тычет в какую-то точку рядом. Я, как ни шурюсь, ничего не вижу – ни военной техники, ни сетки, хотя Мортен уверяет, что на снимке еще один танк, просто замаскированный. «И вдобавок нам еще повезло найти подходящий фон, так что камуфляж совершенно незаметен», – говорит он.

Перед использованием камуфляжа необходимо тщательно изучить окрестности. На открытой местности используется совершенно иная маскировка, нежели, например, на опушках леса или в горах, – это очевидно, и люди с незапамятных времен руководствовались этими принципами. Однако сейчас наши разоблачители совсем не те, что раньше. Прежде достаточно было толково подобрать цвет, чтобы обмануть человеческий глаз. После открытия инфракрасного излучения и изобретения датчиков стало возможным фиксировать лучи, невидимые человеческим глазом. Хлорофилл, содержащийся в растениях, дает излучение, по составу близкое к инфракрасному, и если, например, поставить одетого в старую униформу человека на фоне деревьев и направить на него датчики инфракрасного излучения, то на экране его фигура будет выглядеть темной. Поэтому для современной военной маскировки используется материал, обладающий не только внешним сходством с окружающей средой, но и определенными температурными качествами, а также дающий ультрафиолетовое излучение.

Мортен Сёдерблум сам участвовал в разработке технологии стелс, то есть снижения заметности военного корабля для радиолокации. Однако исследователь утверждает, что неважно, насколько сложна и высокотехнологична маскировка: в любом случае главное зависит от ученого, сидящего за компьютером и зашифровывающего сигналы. А любой сигнал можно перехватить и расшифровать, и здесь технологии бессильны.

– Во время Второй мировой войны, в день, когда союзники перешли в наступление на море, немецкий радар зафиксировал тысячи военных кораблей, но на экране они выглядели как множество точек, и радисты приняли их за помеху оборудования. Военная история насчитывает немало подобных случаев – например, во время нападения на Пёрл-Харбор, – рассказывает Сёдерблум. – По предварительным подсчетам представителей НАТО, во время вооруженного конфликта в Боснии было поражено двести сербских танков, но впоследствии выяснилось, что все они были фальшивыми. Некоторые были нарисованы на брезенте, натянутом на кусты, а некоторые представляли собой обыкновенные закиданные ветками легковые машины с прикрепленной к лобовому стеклу палкой. Такую маскировку высокотехнологичной не назовешь, зато в подготовке участвовало все население. Культурные отличия налицо: случись в Норвегии война, норвежцы вряд ли бросились бы мастерить фальшивые танки.

Даже во время войны в Персидском заливе – самой высокотехнологичной войны в истории – датчики нередко подводили. Одной из военных целей было уничтожение установок «Скад», предназначенных для ракетного обстрела Израиля. Впоследствии же выяснилось, что союзники обстреливали грузовики с массивными вентиляционными трубами на крышах.

Это поубавило оптимизма, возникшего в 2000-х годах благодаря возможности «дистанционной» войны, и сейчас при военных конфликтах вновь стали необходимы войска, разме-

ценные в непосредственной близости от противника, ведь лишь они могут подтвердить, что цель действительно соответствует ожиданиям.

Неважно, насколько хорошо мы оснащены технологически – в конце концов все определяется именно личным восприятием. Даниэла Хайнрих, побывавшая недавно на конференции, организованной НАТО, рассказала, что одним из выступавших был фокусник.

– У фокусников есть чему поучиться: они прекрасно знают, как работает человеческий мозг. Например, когда иллюзионист прячет какой-то предмет, то отвлекает внимание публики, так что та забывает за ним следить. А порой фокусник задает зрителям вопрос, ответ на который может заранее предсказать. Предлагая загадать любую карту, фокусник комментирует задание, а потом выбирает в зале женщину определенного возраста – и та непременно назовет даму червей. Выступавший фокусник вряд ли потомок великого Маскелайна, и у нас едва ли появятся особые иллюзионистские войска, по крайней мере в ближайшее время. Но обман – это в первую очередь создание иллюзии. Как в классическом трюке, когда фокусник сперва трижды подбрасывает вверх мячик, а подброшенный в четвертый раз мячик исчезает. На самом же деле мячик он даже не подбрасывал, но зрители уже успели привыкнуть к определенному порядку действий и создали собственную иллюзию. Этот же принцип сработал и во время сражения при Эль-Аламейне: тогда немецкие войска настолько привыкли к внезапному исчезновению орудий противника, что не заметили, как орудия вдруг подменили на настоящие.

Ученые Института Вооруженных сил показались мне людьми вполне здравомыслящими и совершенно непохожими на тех таинственных и загадочных личностей, каковыми их принято считать. Но за имиджем они следят. После моего визита к ним мы довольно долго поддерживали переписку: как и полагается при работе с подобными организациями, мне нужно было получить одобрение института по поводу использования полученной информации. Как я и ожидал, меня попросили убрать из текста некоторые технические подробности, но самым обсуждаемым моментом было вовсе не это. В тексте я сравнил увиденное в институте со сценой из фильма о Джеймсе Бонде, а один из ученых возразил, сказав, что их работа скорее напоминает мультфильм про Дональда Дака – о чем я и написал. Как мне сообщили впоследствии, сравнение с диснеевским персонажем руководству института не понравилось. Мне мягко намекнули о необходимости слегка подредактировать текст и даже подсказали, каким именно образом: «Лучше бы вы сравнили нас с Кью из последнего фильма о Джеймсе Бонде».

Большинство из нас любит создавать образ самих себя, контролируя восприятие окружающих и используя для этого такие приемы, как речь и одежда. Элементы военного камуфляжа давно стали частью современной моды. Изменилась лишь цель: в моде камуфляж используется не для маскировки, а, наоборот, для того, чтобы создать особый военный стиль.

Камуфляж в моде

В своей серии снимков «Невидимки» британский концептуальный фотограф Стивен Джилл запечатлел элементы камуфляжа на улицах современного города. Тактика этого камуфляжа заключается не в подражании обстановке, а в том, чтобы соответствовать ожиданиям окружающих. Например, оранжевый или ярко-салатовый светоотражающий жилет: казалось бы, сам цвет должен привлекать внимание, но человека в такой одежде едва ли кто-то заметит. Любой нарядившийся в такой жилет тотчас же станет гармоничной частью городской инфраструктуры, и мы не обратим на него внимания. «Это, – подумаем мы, – рабочий, электрик или уборщик». Напоминает эпизод из романа Дугласа Адамса «Автостопом по Галактике»: чтобы замаскировать гигантские космолеты, вокруг них генерируется поле под названием «Чужая проблема». Попадая в это поле, люди перестают замечать вещи и явления, которые, как они думают, их не касаются.

На фотографиях Джилла мы видим тех, кого обычно не замечаем на улицах города, – дорожных рабочих, регулировщиков, монтажников, посетителей уличных кафе в обеденное время и обычных пешеходов, которые торопятся домой после работы. В волшебном воздействии светоотражающего жилета фотограф убедился на собственном опыте. Когда Джилл фотографировал городские сценки, его огромный фотоаппарат вечно привлекал море внимания, однако стоило ему надеться в такой жилет, как он будто бы превратился в невидимку. Воры и наводчики давно освоили эту хитрость: в таких жилетах дом или магазин удастся ограбить прямо среди бела дня, не боясь камер слежения. Порой спрятаться можно, одевшись поярче, – нужно лишь правильно подобрать одежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.